

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №2, Том 13 / 2022, No 2, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK222.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Полякова, Е. Н. Характеристика структуры микрополя «нетрадиционные половые отношения» в советской публицистике 1920-х гг. / Е. Н. Полякова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK222.pdf>

For citation:

Polyakova E.N. The structure characterization of the microfield “non-traditional sexual relations” in Soviet journalism of the 1920s. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2(13): 48FLSK222. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK222.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Полякова Екатерина Николаевна

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Россия
Аспирант кафедры «Русского языка, культуры речи и методики их преподавания»

E-mail: polyakova.katerinaNik@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=888089

Характеристика структуры микрополя «нетрадиционные половые отношения» в советской публицистике 1920-х гг.

Аннотация. Данная статья является фрагментом нашего исследования системы номинаций половых отношений, представленной в советской публицистике 1920-х годов. В целом система обозначений половых отношений представляет собой функционально-семантическое поле. Составной частью этого поля является микрополе «нетрадиционные половые отношения» (НПО), в целях простоты изложения будем называть данное микрополе полем «нетрадиционные половые отношения». В данном исследовании внимание сконцентрировано на характеристике структурных элементов указанного поля в публицистике 1920-х годов: ядре, ближней и дальней периферии. Поле номинаций «нетрадиционные половые отношения», представленное в советской публицистике 1920-х гг., ещё не становилось объектом лингвистического анализа, что составляет новизну избранного исследования. Исследование характеризуется обширным, исходя из особенностей исторического периода, языковым материалом в количестве 207 единиц и использованием дореволюционных лексикографических источников.

В статье кратко охарактеризованы основные направления исследования темы «гомосексуализм» в англоязычной и русскоязычной литературе с позиций лингвистики. Спектр указанных исследований широк, одно из перспективных направлений — изучение темы «нетрадиционные половые отношения» в контексте табуированной лексики. Номинативный состав данной темы находится под сильным языковым запретом на произнесение. В связи с указанным фактом к ядру поля отнесены номинации, которые к началу 1920-х годов из эвфемистических и образных перешли в разряд прямых. Состав ближней периферии характеризуется большей частотностью (70,5 % языкового материала) по сравнению с элементами структуры поля. Данный факт обусловлен высокой степенью запрета на употребление прямых номинаций и существовавшим в начале XX века речевым стандартом в публицистике. Номинации указанного структурного элемента поля реализуют эвфемистическую функцию, косвенно обозначая слово-запрет. Ближняя периферия поля представлена широким спектром языковых средств: полисемантами, гиперонимами, логическими и образными перифразами, иноязычными прямыми номинациями, не

потерявшими на тот момент новизны использования. В работе представлена краткая классификация логических перифраз, использующихся в составе данного конституента поля в публицистике 1920-х годов, по смысловому признаку. В составе дальней периферии поля «нетрадиционные половые отношения» в публицистике 1920-х гг. преобладают образные перифразы с семой «болезнь», реализующие негативный оценочный компонент. Отдельные окказиональные обозначения нетрадиционных половых отношений представляли собой примеры классово-маркированной лексики и использовались в контексте идеологических задач нового государства.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле; ядро; ближняя периферия; дальняя периферия; эвфемизм; табуированная лексика; гомосексуализм; классово-маркированная лексика; новый быт; половые номинации; половые эвфемизмы

Введение

Тема «нетрадиционные половые отношения» (далее НПО) в зарубежной лингвистике явилась предметом многих исследований, нашла отражение в ряде словарей, начиная с середины XIX в. Номинации указанной темы фиксируются в словарях обценной (словари Дж. Хьюза¹; Х. Роусона²) и табуированной лексики (словари Х. Роусона³; Р. Холдера⁴), английского сленга (словари Дж.К. Хоттена⁵; Т. Делзелл, Т. Виктор⁶; Х. Роусона³, Р. Спирса⁷).

Исследователи отметили бóльшую табуизацию в номинациях НПО по сравнению с другими элементами сексуальной сферы (работы К. Аллан, К. Барридж [1]; Дж. Хьюза¹); представили подробную тематическую классификацию (монография К. Аллан, К. Барридж [1]); выявили переход определений из сленга представителей нетрадиционной ориентации (квира, в терминологии ученых) в обиходную речь и его использование в качестве вариативных эвфемизмов (исследования К. Аллан, К. Барридж [1]; Т. Делзелл, Т. Виктор⁶; Х. Роусона³; Р. Спирса⁷); оценили роль гомолексиса в языке (работы У. Дайнс [2], Б. Мунвумен-Берд [3]), охарактеризовали влияние менталитета разных стран на номинативный состав темы НПО (работы Н. Огавы, Дж. Смита [4]; Дж. Пастре [5]; Дж.С. Шибамото [6]), зависимость выбора номинаций НПО от дискурса и аудитории, на которую рассчитан текст (монография П. Бекера [7]); оценили потенциал использования прецедентных онимов в качестве эвфемизмов в английском языке (Дж. Хьюза¹; М. Боннет [8]).

В российской лингвистике по теме НПО на материале русского языка специальные монографические исследования отсутствуют. На данный момент опубликована статья И.А. Бирюковой, в которой на базе английского лексикографического материала в рамках когнитивного и диахронического аспекта исследуются преимущественно дисфемистичные наименования лиц, склонных к собственному полу. Исследовательница проиллюстрировала

¹ Hughes G. An Encyclopedia of Swearing. NY: M.E. Sharpe; 2006.

² Rawson H. Wicked Words: A Treasury of Curses, Insults, Put-Downs, and Other Formerly Unprintable Terms from Anglo-Saxon Times to the Present. NY: Crown Publishers; 1989.

³ Rawson H. A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. NY: Crown Publishers, Inc.; 1981.

⁴ Holder R.W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Third edition. L.: Oxford University Press; 2002.

⁵ Hotten J.C. A dictionary of modern slang, cant, and vulgar words, used at the present day in the streets of London. Second edition. L.: University of California Libraries; 1860. P. 137, 159, 189.

⁶ Dalzell T., Victor T. Sex Slang. L.: Routledge; 2007.

⁷ Spears R.A. Dictionary of Slang And Euphemism. NY: Jonathan David Publishers; 1981.

влияние хронотопа на распределение номинативных фокусов, выделила устойчивые семантические модели, отметила «диверсификацию лексических единиц для обозначения конкретных гомосексуальных типов» [9, p. 109], представила перечень концептуальных оппозиций в рамках фрейма. Также обозначения НПО косвенно упоминалось в ряде современных работ по эвфемии. В них лингвисты указали на переход эвфемистических номинаций в разряд прямых в связи с «загрязнением» денотата подобных обозначений (словарь Е.П. Сеничкиной 2008⁸), представили краткую тематическую характеристику НПО (монография В.П. Москвина 2012 [10]), изучили использование жаргонизмов для обозначения лиц нетрадиционной ориентации и их сленг [исследования В. Козловского 1986 [11]; Т. Кромбах 1994 [12]; С.Д. Левина 2016 [13], охарактеризовали функционирование отдельных номинаций НПО в современном языке (работа В. Волкова 2013 [14]), оценили использование прецедентных онимов в качестве эвфемизмов НПО в российской прессе (статья Е.Н. Поляковой, М.П. Черниковой 2014 [15]); в рамках социолингвистического подхода охарактеризовали отдельные обозначения лиц, отдающих предпочтение собственному полу, с точки зрения социальной стигматизации (Х.И. Сон, Е.А. Михайлова 2017 [16]).

Стоит отметить, что номинативный состав НПО, представленный в советской публицистике 1920-х годов, ещё не становился объектом лингвистического анализа, что составляет новизну избранного исследования.

В 1920-х годах происходит попытка «строительства» идеализированного «нового» быта, отношения в котором основаны на «новом» типе отношений между полами и особой пролетарской морали, получившей название «первой сексуальной революции в России» и «революции нравов». Н. Лебина, исследующая переход от военного коммунизма к эпохе сталинского большого стиля, отмечает «определенную демократизацию многих сторон жизни российского общества в 1920-х годах» [17, с. 184].

Свидетель создания «нового человека» в 1920-х годах И. Гельман, предметом научного интереса которого стала сфера интимных отношений молодежи революционного периода, заключил: «одним из главных элементов нового быта, новой морали <...> является половая жизнь» [18, с. 8]. В период строительства нового быта предполагается, что злободневные проблемы, в том числе и половой сферы, будут решены при помощи социальной саморегуляции и особой пролетарской морали.

Язык 1920-х годов также представляет собой специфический феномен, поскольку его тенденции определяются одновременно существовавшими ранее языковыми традициями, реализацией новых идей в лексическом плане, социальными и языковыми реакциями общества начала XX века на неизбежные столкновения бытовавшей языковой картины мира с новоформирующейся, приобретающие порой безобразные формы.

Литературные и публицистические произведения 1920-х годов, по оценке А.М. Пушкарева, были «чуткой реакцией на события, происходившие в то время в стране» [19, с. 142]. В числе объектов отражения в художественных и журналистских текстах находились явления половой жизни, рассматриваемые в обществе как отклонение от нормы — снохачество, сводничество, «дикие» браки и НПО.

В научно-популярной публицистике 1920-х годов (работы П.И. Люблинского [20], И. Гельмана [18]) внимание акцентируется на бесперспективности уголовного наказания для представителей нетрадиционной ориентации, а склонность к своему полу трактуется как болезнь. К примеру, И. Гельман указывает на применение по отношению к гомосексуалистам

⁸ Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука; 2008. 464 с.

уголовных репрессий как меру «миновавших времен». Ученый отмечает, «наука установила, что мы имеем дело чаще всего не со злой волей, а с болезнью» [18, с. 122].

Однако после неудачных итогов социального эксперимента по построению нового быта и «саморегуляции» общества политика государства в области половой сферы вновь трансформируется, возвращаясь к традиционным представлениям о нормах и антинормах половой и социальной жизни. В 1934 году уголовное наказание за однополые отношения было возобновлено.

Таким образом, новобытные 1920-е годы представляют собой короткий период социальной и языковой оттепели к лицам нетрадиционной ориентации, отраженной в публицистике того времени, перспективной для исторического и языкового анализа. В конце десятилетия уже заметны языковые предпосылки перехода к «большому стилю» (терминология Н. Лебиной) [17, с. 9] 1930-х годов.

Выбор темы исследования обусловлен рядом актуальных экстралингвистических факторов: (1) двадцатые годы XX в. в России — это время создания нового государства, формирования нового быта, представлений о «новом» человеке, новой морали. Составной частью этих представлений является «половая мораль», что находит отражение, прежде всего, в советской публицистике; (2) именно в 1920-е гг. были сняты многие табу, половой вопрос стал темой публичного обсуждения разных слоев населения, что также нашло отражение в периодике; (3) в начале XX в. в России происходит «революция нравов», что в контексте исследуемого вопроса проявляется в сочетании социально-исторического опыта России в отношении НПО с идеям гуманизма по отношению к представителям нетрадиционной ориентации.

Характеристика структуры указанного поля в 1920-х годах перспективна по ряду причин: (1) Актуальность работы продиктована спецификой темы в русской языковой картине мира; (2) Перечисленные выше экстралингвистические факторы связаны с периодом «революции нравов», его влияние на номинативный состав НПО сложно переоценить; (3) Система обозначений неудобного вопроса в русской лингвистике остается малоизученной научной проблемой, данная работа является вкладом в ее теоретическую базу; (4) Анализ позволяет оценить динамику произошедших за новобытное десятилетие изменений в структуре исследуемого поля.

Цель и методы

Цель данной работы — осуществление характеристики структуры функционально-семантического поля НПО в публицистике 1920-х годов. Для ее реализации применяются следующие задачи: (1) исследовать иностранные и отечественные теоретические источники по проблеме социально-исторического, экстралингвистического и лингвистического характера; (2) выявить номинации НПО в публицистике 1920-х годов; (3) произвести анализ данных; (4) структурировать полученный эмпирический материал в соответствии с теорией функционально-семантического поля; (5) охарактеризовать выявленные закономерности.

Ключевыми для данной работы стали такие **методы**, как наблюдение, обобщение, структурно-семантический анализ, оценка и интерпретирование языковых фактов.

В статье также используется метод частичной культурно-исторической реконструкции. В его рамках используются исследования, посвященные периоду строительства «нового быта» и социально-бытовой жизни населения страны, проблеме отношений между лицами одного пола в России начала XX века; дореволюционные лексикографические источники, а также периодические издания 1920-х годов (журналы «Молодая гвардия» (1922–1930 г.) и «Смена»

(1924–1931 г.) и труды того же периода по проблеме, рекомендованные к прочтению в указанных выше журналах. Метод частичной культурно-исторической реконструкции применяется в работе в целях объективной интерпретации языковых фактов, имевших место в 1920-х г., оценки прагматического потенциала номинаций НПО, их использования в условиях создания «нового человека» в государственной прессе, ориентированной на пролетарскую молодежь. Особенность работы заключается также в междисциплинарном подходе.

В работе представлены также элементы контент-анализа. Посредством элементов вышеупомянутого метода установлено количество номинаций НПО, входящих в ядро, ближнюю и дальнюю периферию; указана частотность использования отдельных из них, представлена содержательная интерпретация выявленных числовых закономерностей.

Обзор исследовательской базы, посвященной проблеме номинативного состава темы НПО в русском языке, позволяет сделать вывод о малой изученности данной научной темы. Характеристика структуры поля НПО в публицистике 20-х годов XX века расширяет теоретические основы исследования указанной языковой области. **Теоретическая значимость** данной работы заключается в научном вкладе в изучение поля НПО в русском языке.

Языковой материал, представленный в статье, в связи с табуированностью темы может быть использован в лексикографии и исследованиях эвфемистической направленности. Эмпирическая база исследования, в частности классово-окрашенные номинации дальней периферии, также может выступать маркером «революции нравов» 1920-х годов и использоваться в целях культурно-исторической реконструкции в рамках журналистского или художественного текста. Таким образом, **практическая ценность исследования** номинативного состава поля НПО и, в частности, характеристики его структуры связана с решением отдельных узкоспециализированных лингвистических и историко-культурных задач.

Материалом исследования стали номинации, обозначающие НПО, выявленные методом сплошной выборки из журналов «Молодая гвардия» (1922–1930 гг.), «Смена» (1924–1930 гг.), а также из рекомендуемых в данных изданиях брошюр по проблеме, общим количеством 271 выпуск. Языковым материалом исследования стали номинации НПО в вышеупомянутых изданиях в количестве 207 единиц.

Результаты исследования

Номинации НПО, составленные на основе материалов советской публицистики 1920-х годов методом сплошной выборки, образуют функционально-семантическое поле. Единицы данного поля представлены на разных уровнях языка (это однословные номинации и сочетания, перифразы), иерархически организованы, составляют ядро, ближнюю и дальнюю периферию.

Как показал языковой анализ, номинации НПО «находятся» под сильным языковым запретом на произнесение. По оценке И.С. Кона, в языке существуют понятия «принципиально невербализуемые» [21, с. 108]. В этом проявляется специфика поля номинаций НПО.

Согласно полевому подходу к анализу языка, учению о функционально-семантических полях, единицы ядра поля характеризуются определенными признаками (исследования А.В. Бондарко [22; 23]; Л.М. Васильева [24]; Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс [25]; Г.С. Щура 1974 [26]). Так, по сравнению с единицами периферии (1) они обладают наименьшим количеством сем, поскольку являются наиболее специализированными для выражения значения; (2) представлены наиболее частотно; (3) являются не образными [22, с. 21; 23, с. 39–41; 25, с. 10].

Поскольку в российском обществе 1920-х годов существовал сильный запрет на обсуждение темы НПО, собственно прямых номинаций в публицистике тех лет нет. К ядру поля следует отнести те номинации, которые к началу 1920-х годов из эвфемистических и образных перешли в разряд прямых, потеряли эвфемистический потенциал. С точки зрения частотности, ядерные конститuentы поля занимают вторую по частотности позицию по сравнению с ближней периферией и составляют 35 примеров (17 %).

Наибольшей частотностью характеризуются элементы ближней периферии, составляющие 70,5 % (146 примеров). Номинация *гомосексуализм* и ее дериваты, составляющие 44 % всего материала (91 пример), включены нами в состав ближней периферии поля по причинам новизны их употребления на начало 1920-х годов, наличия эвфемистического потенциала, использования в специализированных текстах (научно-популярной публицистике).

Как объяснить тот факт, что номинации не ядерной, а ближней периферии составляют наибольшую частотность употребления? Безусловно, это объясняется высоким запретом на употребление прямых обозначений НПО. Необходимость обсуждать эту тему в прессе разрешается путем применения номинаций ближней периферии. Наименьшей частотностью употребления характеризуется дальняя периферия, составляющая 12,5 % (26 примеров).

Ядро поля НПО не содержит прямых нейтральных незаимствованных номинаций, которые бы обозначали действия, явления, участников, признаки НПО. Это связано с сильным запретом на обсуждение темы НПО, который был представлен в русском дискурсе в 1920-х годах. Ядро поля НПО состоит из ряда номинаций русских по происхождению, но являющихся семантической калькой из греческого *μυζολογιστος*, *μυζολογιστωρ* *μυζολογιστικη*, ср. греческое *ἀρσενοκοΐται*. Как отмечает Г.Б. Дерягин, «древнерусское церковное право ввело в обиход на Руси понятие «мужеложство»» [27, с. 270], исследователь также отмечает термин *мужеблудие*, однако в собранном материале данная лексема не фиксируется. Указанное обозначение имеет длительную историю и культуру употребления в русском языке, функционируя в сочинениях первой четверти XVIII века и даже в четвертой главе Синодального перевода Нового завета (1-е послание Петра). В частности, В.Н. Татищев использует в своем сочинении 1733 года именно данное обозначение: *враки сами обличали и мерские обстоятельства ни малаго вида к истинне представляли наипаче же всякое благонравие и пристойное житие отвергали, ибо богам их мужеложство, скотоложство, кровосмешение и тому подобныя сквернодеяния в похвалу приписывали* [28, с. 73].

В ядре поля НПО преобладают иноязычные по происхождению номинации: *содомия*, *содомский грех*, *содомит*, *педераст*, *педерастия*, *лесбийская любовь*, *лесбиянство*. С точки зрения истории языка, когда-то это были эвфемизмы. К 1920-м годам подобные номинации в русском языке «потеряли эвфемистический потенциал, приобрели статус прямых обозначений», ср.: [29, с. 32]. Кратко поясним сказанное.

Так, номинация *мужеложство* и ее производные *мужеложствовать*, *мужеложник* впервые в русской лексикографии были зафиксированы в «Словаре церковно-славянского и русского языка»⁹ под редакцией А.Х. Востокова в 1847 г. В данных номинациях отчетливо осознавался образный перенос значения с участника и места на само действие, т. е. метонимический перенос.

⁹ Востоков А.Х. (ред.) Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 2. Спб.: Типография Императорской академии наук; 1847. Р. 330.

Что касается лексикографических источников, то в ряде лингвистических словарей XIX в. (словари А.Х. Востокова¹⁰, В.И. Даля¹¹, А.Н. Чудинова¹², Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона¹³) зафиксированы словарные статьи «педерастия», «мужеложство», «содомский грех», «содомщина», «уралист», «урализм», «лесбийская любовь» в значении «нетрадиционные половые отношения между мужчинами», «извращение полового чувства».

Изначально эти номинации располагали переносным значением. Например, номинация *содомия*, употребляемая для обозначения НПО, представляла собой метонимический перенос значения с места (библейского города *Содома*, ставшего символом порока) на опредмеченное действие (*содомский грех*). Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон отмечают: «развитие порочности и разврата в пятиградии <...> нашло себе характерное выражение в термине содомщина, или содомский грех»¹⁴. Сочетание *содомский грех* было зафиксировано в словаре А.Х. Востокова¹⁵, В.И. Даля (под ред. И.А. Бурдуэна де Куртенэ)¹⁶, А.Н. Чудинов дополнил синонимический ряд дериватом *содомит*¹⁷. Таким образом, уже в XIX в. в русском обиходе номинация *содомия* и ее производные применялись в качестве стертых эвфемизмов.

Перифраза *лесбийская любовь* в значении «неестественный развратъ женщин между собою»¹⁸ образована с опорой на название острова *Лесбос*¹⁹. С точки зрения истории языка — это эвфемизм, образован метонимически, является семантической свёрткой: вместо прямой номинации НПО называется место, где, как считалось, частотно осуществлялись *такие* отношения (перенос с места на действие). См. пример из журнала «Молодая гвардия» за 1926 г.: [Рецензия И. Машбица-Верова на роман Калининкова «Мощи»] *По Калининкову получается, что монастыри скверны потому, что монахи и монашки — сплошь развратники. Оба выпущенных тома представляют собой удивительный музей всевозможных половых*

¹⁰ Востоков А.Х. (ред.) Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 2. Спб.: Типография Императорской академии наук; 1847; Востоков А.Х. (ред.) Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 4. Спб.: Типография Императорской академии наук, 1847.

¹¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П–Р. 3-е изд., испр. и доп. Спб.: Издание Вольфа; 1907; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–Я. 3-е изд., испр. и доп. Спб.: Издание Вольфа; 1909.

¹² Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Спб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова; 1894.

¹³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 17а: Ледье — Лопаревъ. Спб.: Типо-Литография И.А. Ефрона; 1897.; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 20: Московский университет — Наказания исправительные. Спб.: Типо-Литография И.А. Ефрона; 1897; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — Т. 23: Патенты на изобретения — Петропавловский. — Спб.; Типо-Литография И.А. Ефрона; 1898. 474 с.; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 30а: Слюзь — София Палеологъ. Спб.: Издательское дело; 1900.

¹⁴ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 30а: Слюзь — София Палеологъ. Спб.: Издательское дело; 1900. С. 701.

¹⁵ Востоков А.Х. (ред.) Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 4. Спб.: Типография Императорской академии наук, 1847. С. 176.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–Я. 3-е изд., испр. и доп. Спб.: Издание Вольфа; 1909. С. 359.

¹⁷ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Спб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова; 1894. С. 807.

¹⁸ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Спб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова; 1894. С. 460.

¹⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 17а: Ледье — Лопаревъ. Спб.: Типо-Литография И.А. Ефрона; 1897. С. 590.

*извращений. Здесь все разновидности блуда — от растления невинных, мужеложества и лесбийской любви, до онанизма*²⁰.

Понятие «педерастия» является семантической калькой с греческого языка, номинация образована при помощи сложения с суффиксацией: *pats* в значении «мальчик, дитя» + *eros* со значением «любовь»²¹. Изначально данная номинация не соотносилась по значению с физиологией человека, и лишь в дальнейшем стала обозначать НПО между мужчинами, эвфемизм образован метонимически, является семантической свёрткой: любовь к мальчику, которая сопровождается и половыми отношениями. К началу XX в. в русском обиходе слово *педерастия* потеряло эвфемистический потенциал, приобрело статус прямой номинации, было зафиксировано в словарях²².

Ядерные средства передачи поля НПО в советской публицистике 1920-х годов в синтагматическом окружении сопровождались такими признаковыми словами, как *добровольный, недобровольный, насильственный* и др., например: *На Востоке педерастия, в том числе и насильственная, является устаревшей традицией, опирающейся на эксплуатации зависимости слабого зажиточным элементом*²³.

В целом ядро поля обозначений НПО представлено номинациями, которые были ранее эвфемизмами, но ко времени 1920-х годов в российской публицистике эвфемистический потенциал этих слов иссяк, они стали восприниматься как прямые номинации, также стерлась их образность.

Состав конститuentов ближней периферии поля НПО в публицистике 1920-х гг. обладает следующими особенностями. Во-первых, представлен одной и более семами, поскольку, реализуя эвфемистическую функцию, обозначает табу не прямо, а косвенно (указывает на сему несоответствия норме и табуированное действие / участника действия, несоответствующего норме); во-вторых, обладает регулярностью функционирования (номинация «гомосексуализм» и ее дериваты), в-третьих, обладает широким спектром языковых средств (полисеманты, гиперонимы, иноязычные прямые номинации, логические перифразы, обладающие признаком определенности/неопределенности, образные перифразы), в-четвертых, несамостоятелен и ограничен контекстом.

Отметим, что указанные далее обозначения НПО, преодолевая языковой запрет на использование слова-табу, реализуют эвфемистическую функцию именно в условиях существовавшего в 1920-х годах речевого стандарта и системы ценностей.

К ближней периферии поля НПО в публицистике нового быта нами отнесены: номинация *гомосексуализм* и ее дериваты (*гомосексуальный, гомосексуально* и др.); гиперонимы, реализующие сему несоответствия нормы (*ненормальности, аномалии, извращения, уклоны, отклонения, уклонения, склонности, излишества, пороки*); логические перифразы.

²⁰ Журнал «Молодая гвардия». 1926. № 6. С. 205–206.

²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П–Р. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание Вольфа; 1907. С. 65.

²² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — Т. 23: Патенты на изобретения — Петропавловский. — СПб; Типо-Литография И.А. Ефрона; 1898. С. 85; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П–Р. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание Вольфа; 1907. С. 65; Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, Типография С.Н. Худекова; 1894. С. 647.

²³ Журнал «Молодая гвардия». 1926. № 12. С. 173.

Логические перифразы ближней периферии НПО состоят из компонентов, содержащих одну или несколько следующих сем: (1) сема несоответствия норме выражена именами прилагательными (*противоестественные, ненормальные, греховно-противоестественные, ненормальные, извращенные, непотребные, развратные*) или именами существительными (*отклонение, извращение, непотребство*); (2) сема «половые отношения» (*отношение (-я), связь (-и), действия, сношение (-я), половой (акт), любовь* в значении ‘половые отношения’); (3) сема половой принадлежности индивидов (*однополоый*); (4) сема прономинальной неопределенности (*этот, определенный, известный, некий, такой (вид)*); (5) сема обозначения участников действия / отношений, компонент с этой семой выражен преимущественно при помощи словосочетаний (*между мужчинами; между лицами одного пола* и др.).

Семантика прономинальной неопределенности передается при помощи местоимений, местоименных наречий, прилагательных в функции местоимений (*определенный, известный* и т. п.). Указанные слова в составе перифразы способствуют эвфемизации описательного оборота, поскольку прономинальным, то есть отсылочным образом отображают действительность.

Исследователи эвфемии отмечают, что местоимения обладают «денотативной неопределенностью»²⁴, «семантической пустотой определения» [10, с. 195]. Данный фактор позволяет прономинативам «продуктивно выполнять функцию эвфемизмов» [30, с. 130]. В.П. Москвин в число семантически пустых определений или псевдоконкретизаторов включает указательные прилагательные (*определенного рода связи, известные наклонности, известные связи между лицами одного пола*), местоимения (*такие, некие отношения; те, что продаются за папироску*).

В публицистике 1920-х гг. и в поле НПО представлены сочетания с прономинальной неопределенностью, например, в брошюре П.И. Люблинского (1925 г.) даны такие прономинальные сочетания и собственно местоимения: *такие склонности, эти наклонности, некие уклоны, такие лица, такой*, например:

*(...) указывается на жестокость применения наказаний за гомосексуализм и виду того, что человек не виноват в том, что природа его создала **таким** (...), и на полную недействительность наказаний для **таких** лиц*²⁵.

Перифразы составляются из сочетания вышеназванных сем. Так сочетание: сема половой принадлежности индивидов (*однополоый*) + сема «половые отношения» (*связь, любовь, отношения*) дают следующие перифразы *однополая любовь, однополые отношения, однополая связь* и т. п.

Сочетание: сема прономинальной неопределенности (*этот, определенный, известный, некий, такой вид*) + сема «половые отношения» (*отношения, связи*) дают перифразы *определенные отношения, известные связи, некие отношения* и проч.

Сочетание: сема несоответствия норме + сема обозначения участников действия / отношений (*непотребства между мужчинами; развратные действия между лицами одного пола*).

²⁴ Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учеб. пос. 2-е изд. М.: Флинта; 2012; Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке: Учебн. пособие к спецкурсу. М.: МГУП; 2004.

²⁵ Люблинский П.И. Половые извращения и уголовное право. Преступления в области половых отношений. М; изд-во Л.Д. Френкель, 1925. С. 127.

Сочетание: сема «половые отношения» + обозначения участников действия / отношений (сношения между лицами одного пола, влечение к лицам одного пола, обольщение непорочных юношей, гомосексуалист, превративший свое занятие в профессию).

Кроме вышеназванных, перифразы ближней периферии поля НПО образуются на основе полисемантов типа *спать, любить, любовь*, при этом полисеманты актуализируют переносное значение, например: *спит с мальчиками как с женщинами, любовь к юношам*).

Что касается номинации *гомосексуализм*, то данная лексема, её дериваты, а также логические перифразы, включающие данное обозначение в номинацию, в российской публицистике 1920-х гг. функционировали активно и регулярно. В нашем материале названные языковые единицы составили 44 % от общего количества примеров (91 словоупотребление). Таковы слова и словосочетания: *гомосексуальные связи / действия / отношения / сношения, добровольный / насильственный / мужской / женский / наказуемый гомосексуализм* и др.).

Известность в языке номинация *гомосексуализм*, по оценке Г. Хьюза, приобрела в связи с работой Р. Краффта-Эбинга о психо-сексуальных инверсиях 1886 г.¹, в Российской империи исследование на русском языке было опубликовано в 1909 [31, с. 39]. В отдельных дореволюционных лексикографических источниках указанное слово фиксировалось в качестве пояснения к словарной статье «уранизм»: «западно-европейское *uranismus*, культ гомосексуальности, однополой «любви»»²⁶.

Слово *гомосексуализм*, вероятно, впервые на материале русского языка встречается в переводе медицинского исследования Т. Биндера «Гигиена половой жизни» в 1902 году. Данная номинация систематически использовалась в качестве терминологической единицы в научных трудах, преимущественно переводных и медицинского характера (исследования А. Эйленбурга (1909), О. Фореля (1909), А. Молля (1909), Ф. Пробста (1909), Х. Эллис (1911), М. Маркузе (1912)).

В предреволюционных публицистических и газетных источниках 1910-х годов фиксируются единичные примеры словоупотребления данной языковой единицы. Слово *гомосексуализм* фигурирует в телеграммах и письмах из Австрии, Берлина, Франции, которые представляют собой цитирование иностранных источников. Приведем фрагмент текста «Гомосексуализм в Австрийской армии (письмо из Вены)», представленный в газете «Ранее утро» 1913 года: «*Как бы то ни было: относить ли гомосексуалистов к преступникам или к больным, но, во всяком случае, им не должно быть места в армии — заявляет «Militarische Rundschau», — так как в армию должны идти люди безусловно здоровые*»²⁷.

Однако для описания деликатных аспектов жизни в России данное обозначение, как правило, использовалось не системно, характеризовало специализированные или «заграничные» тексты. Иными словами, слово *гомосексуализм* было научно освоено, однако на начало 20-х гг. не входило в активную лексику основной части населения. Номинация *гомосексуализм* более активно стала использоваться в русской публицистике конца 1920-х гг. В связи с новизной, специализированностью употребления и формальным улучшением денотата вышеуказанную номинацию и производные от нее можно рассматривать как эвфемистическую замену в публицистике «новобытного» периода.

²⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–Я. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание Вольфа; 1909. С. 1055.

²⁷ Газета «Ранее утро», 27 (14) июня 1913.

В ходе анализа языкового материала стало очевидно, что данная номинация преимущественно применялась представителями интеллигенции в научно-популярной литературе 1920-х гг., в частности, в брошюрах профессора юридических наук П.И. Люблинского, см. пример из брошюры научно-просветительского характера, ориентированной на пролетарскую молодежь: *многими, считающими склонность к гомосексуализму или прирожденной или болезненной, указывается на жестокость применения наказаний за гомосексуализм (...)*²⁵.

В дальнейшем в российской публицистике номинация *гомосексуализм* вошла в ядро микрополя НПО. К середине 1930-х гг. данная номинация потеряла новизну употребления, приобрела статус стертого эвфемизма, то есть с середины 1930-х гг. данная номинация и её дериваты стали функционировать в русском публицистическом дискурсе как прямые обозначения.

Дальнюю периферию поля НПО в российской публицистике 1920-х гг. составляют языковые номинации (1) обладающие наименьшей частотностью употребления, в том числе, с единичной частотностью (таковы — окказионализмы); (2) ярко образные языковые единицы; (3) номинации, актуализирующие сему НПО только с опорой на контекст и фоновые знания читателя. Если ближнюю периферию составляли логические перифразы, то в дальней периферии поля НПО представлены образные перифразы. В таких перифразах компоненты содержат не только сему несоответствия норме, но также сему болезни, болезненности (*болезненные наклонности / болезненные извращения / болезни быта, нездоровые уклоны / нездоровая тяга к своему полу*). В практике лингвистического анализа не всегда легко различить прямое и переносное (образное) понимание болезни в отношении к номинациям поля НПО. Как отмечает Л.М. Васильев, экспрессивные компоненты характеризуют периферию поля [24, с. 101]. В числе конститuentов дальней периферии НПО особую группу составляют образные перифразы с семой «болезнь», вместе с данной семой в обозначениях НПО актуализируется негативный экспрессивно-оценочный компонент. Также номинации дальней периферии нередко обладают яркой образностью.

Наше исследование показало, что многочисленные проблемы полового быта в постреволюционном обществе в публицистике 1920-х гг. метафорически обозначаются через номинации, содержащие сему болезнь. Так маркируются беспорядочные половые отношения, венерические заболевания, проституция, увлеченность молодежи половым вопросом, распространенность аборт, НПО, последствия внебрачных отношений. Переносный характер таких номинаций очевиден, именно поэтому мы относим их к дальней периферии поля, например: *Диспуты, лекции, статьи на темы о половом вопросе, о неврастении, самоубийствах обычно заканчиваются призывом к теснейшей спайке с коллективом. Болезни и уродства быта объясняются отрывом от общества и упадком социальной активности*²⁸.

*Приведенные соображения, думается нам, в достаточной мере убедительно доказывают нецелесообразность наказуемости гомосексуализма, будь он пороком или болезненным извращением*²⁹.

Дальнюю периферию составляют также окказиональные обозначения поля НПО (*английский недуг, буржуазный разврат* (подполе «мужской гомосексуализм») и *маскуляризированные самки, ухаживание за самками, играет активную роль в половом акте*

²⁸ Журнал «Молодая гвардия». 1928. № 5. С. 175.

²⁹ Люблинский П.И. Половые извращения и уголовное право. Преступления в области половых отношений. — М; изд-во Л.Д. Френкель, 1925. — С. 132.

(подполе «женский гомосексуализм»). В целом частотность окказионализмов невелика, составляет 12,5 % (26 примеров).

Отдельные обозначения дальней периферии исследуемого поля в публицистике 1920-х гг. используются как механизм идеологии и характеризуют явления сексуальной жизни в контексте противопоставления старого и нового быта посредством внесения в номинацию элементов классовой направленности (*буржуазный разврат*, *английский недуг*). Например:

— *Неужели ты уже счастливый отец и каждая треть сумм, полученных от продажи старьевщику старых брюк, идет на удовлетворение естественных потребностей твоего сына?*

— *Нет, — говорит, — не имею я касательства к цветам жизни (детям, т. е.)... Сожительство же я с человеком одного со мною пола...*

Волосы встали у меня на голове...

— *Сашенька, — говорю, — и зачем же такой буржуазный разврат...*

— *Да нет, — говорит, — не буржуазный это разврат, а жилищный кризис³⁰...*

В примере словосочетание *сожительствую с человеком одного со собою пола* изначально используется в прямом смысле, однако «ошибочно» трактуется собеседником в контексте перечисленных фактов (сожительства, бездетности) как косвенное обозначение НПО. В результате автор фельетона, Роман Р. для «уточнения» подбирает классово-маркированный окказионализм *буржуазный разврат* в целях демонстрации оценки НПО в условиях строительства нового быта. Проблемы половой сферы позиционировались как «гнилое половое наследство» (терминология А. Залкинда) и «влияние гурманов буржуазного круга» (терминология И. Гельмана [18, с. 127]) даже в научно-популярной публицистике 1920-х гг. под авторством медицинских работников.

Н.А. Купина выделяет ряд идеологем, использовавшихся в текстах советского периода в целях воздействия на реципиента, в их числе *буржуазный*, *капиталистический*, *западный*, *американский*, *английский*, *аристократический* [32, с. 13–14]. Указанные адъективы в языке указанного периода объединены, по оценке ученого, «общим идеологическим значением «несоциалистический, классово враждебный» [32, с. 42] и «получают отрицательную коннотацию» [32, с. 42].

В контексте функционально-семантической группы НПО обозначения с идеологемой *буржуазный (чужой)* в составе языка советской публицистики 1920-х гг. несли идеологический посыл. Использование классово-маркированных единиц в структуре исследуемого поля в 1920-х начало приобретать черты «большого стиля» (терминология Н. Лебиной [25, с. 9]) 1930-х годов. К моменту обсуждения в публицистике уголовного преследования лиц нетрадиционной ориентации номинации с идеологемами *буржуазный*, *западный* в составе превратились в языковое клише темы «явления половой сферы, рассматриваемые как отклонение» и НПО, в частности.

Выводы

Номинативный состав НПО в новобытной публицистике представляет собой функционально-семантическое поле, отличающееся спецификой, обусловленной одновременно социально-исторической ситуацией, существовавшим речевым стандартом и трансформацией аксиологических ориентиров общества. Исследуемая тема относится к сфере

³⁰ Журнал «Смена». 1926. № 49. С. 22–23.

действия языкового табу и обладает сильным запретом на прямое обозначение. Данный факт оказал определяющее влияние на номинативный состав и структуру поля НПО в публицистике 1920-х гг.

Ядро поля НПО представлено обозначениями, которые ранее были эвфемизмами, однако к 1920-м годам утратили эвфемистическую функцию и образность и стали восприниматься как прямые номинации. Спецификой темы также обусловлена большая частотность номинаций ближней периферии поля по сравнению с номинативным составом его ядра. Данный факт связан с тем, что обозначения, входящие в состав ближней периферии косвенно, а не прямо, обозначают сферу языкового табу, реализуя эвфемистический потенциал. Периферийные номинации, подчеркнем, выполняют эвфемистическую функцию именно в условиях, существовавших в 1920-х годах речевого стандарта и системы ценностей.

Средства передачи НПО в исследуемом языковом материале разнообразны, характеризуются значительным числом стертых и окказиональных эвфемизмов, логических и образных перифраз. Логические перифразы, входящие в состав ближней периферии, включают одну или несколько следующих сем: (1) несоответствие норме, (2) прономинальная неопределенность, (3) половые отношения, (4) гендерная принадлежность индивидов, (5) участники действия.

В составе дальней периферии в публицистике периода «революции нравов» преобладают образные перифразы, объединенные смысловым мотивом «болезнь». Состав данного структурного элемента поля преимущественно характеризуется содержанием негативно-оценочного компонента в номинации НПО. Средства выражения НПО из дальней периферии сопровождаются в языке 1920-х гг. классово-маркированными элементами, что объясняется периодом становления нового государства, формированием представлений о «новом» человеке, решением идеологических задач советской публицистики.

Актуальным представляется исследование ЛСП НПО в сопоставительно-диахроническом и сопоставительно-языковом аспекте как поля в целом, так и его частных элементов, в частности, устойчивой метафорической модели «НПО — болезнь»; интересна динамика произошедших изменений за прошедшее столетие под воздействием собственно языковых, экстралингвистических и внеязыковых факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allan K., Burrige K. Sex and bodily effluvia B: 2 Allan K., Burrige K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. N.Y.: Cambridge University Press; 2006.
2. Dynes, W. Homolexis: A Historical and Cultural Lexicon of Homosexuality. NY: Scholarship Committee of the Gay Academic Union; 1985.
3. Moonwomon-Baird B. Toward the Study of Lesbian Speech. B: Livia A., Hall K., eds. Queerly Phrased: Language, Gender, and Sexuality. L.: Oxford University Press; 1997.
4. Ogavva N., Smith J.S. The Gendering of the Gay Male Sex Class in Japan: A Case Study Based on Rasen No Sobyō. NY, 1992.
5. Pastre G. Linguistic Gender Play among French Gays and Lesbians. B: Livia A., Hall K., eds. Queerly Phrased: Language, Gender, and Sexuality. L.: Oxford University Press; 1997.

6. Shibamoto, J.S. Japanese Sodomites. *Annual Review of Anthropology*. 1987; 16: 261–278.
7. Baker P. *Public Discourses of Gay Men*. L.: Routledge; 2005.
8. Bonnet M. Sappho, or the Importance of Culture in the Language of Love: Tribade, Lesbienne, Homosexuelle. В: Livia A., Hall K., eds. *Queerly Phrased: Language, Gender, and Sexuality*. L.: Oxford University Press; 1997.
9. Biryukova I.A. The semantics of homosexual nominations: a diachronic study. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021; 3(27): 106–110.
10. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД; 2012.
11. Козловский В. Аргументы русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению. N.Y.: Chalidze Publikations, 1986.
12. Кромбах Т. Жаргон гомосексуалистов. *Русистика*. 1994; 1–2: 124–132.
13. Левина С.Д. Из наблюдений над наименованиями нетрадиционных сексуальных ориентаций в современном русском языке. *Неология и неография: современное состояние и перспективы: к 50-летию научного направления*. 2016; 106–113.
14. Волков В.В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2013; 6: 168–173.
15. Полякова Е.Н., Черникова М.П. Специфика использования прецедентных онимов как номинации Кончиты Вурст в российской прессе // *Austrian journal of humanities and social sciences*. 2014; 5–6: 200–204.
16. Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения. *Социологические исследования*. 2017; 2(394): 96102.
17. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.
18. Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. изд. 2-е, доп. Л.; Красный пролетарий, 1925.
19. Пушкарев А.М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.). // *Вестник РУДН. Серия История России*. 2007; 1: 142–153.
20. Люблинский П.И. Половые извращения и уголовное право // *Преступления в области половых отношений*. — М; изд-во Л.Д. Френкель, 1925. — С. 115–145.
21. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988.
22. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука; 1971.
23. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука; 1990.
24. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. — М.: Высшая школа, 1990.

25. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение; 1969.
26. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука; 1974.
27. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. М.: МУ МВД РФ Щит-М; 2008.
28. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Избранные произведения / Подгот. к печ.: З.Н. Савельева с уч. М.П. Ирошникова, С.Н. Искюля, Л.Н. Семеновой, А.И. Юхта; под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Наука; 1979.
29. Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках. Самара: Инсома-пресс; 2012.
30. Иванян Е.П., Кудлинская-Степень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы). М.: ФЛИНТА: Наука; 2013.
31. Краффт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства: Клинико-судеб.-мед. этюд для врачей и юристов: (Dr.R.v. Krafft-Ebing. Psychopathia sexualis, mit besonderer Berücksichtigung der conträren Sexualempfindung. Eine Klinisch-forensische Studie. 13 verm. Aufl. herausgegeben von Dr. Alfred Fuchs, Privat dozent für Psychiatrie und Nervenkrankheiten an der K.K. Universität in Wien. 1907) / Dr.R.v. Krafft-Ebing, орд.-проф. психиатрии и нервных болезней в Вен. ун-те; Пер. с 13-го доп. изд. д-ров мед. Н.А. Вигдорчика и Г.И. Григорьева. Спб.: журн. "Практ. медицина" (В.С. Эттингер), 1909. 430 с.
32. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та; 2015.

Polyakova Ekaterina Nikolaevna

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

E-mail: polyakova.katerinaNik@yandex.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=888089

The structure characterization of the microfield “non-traditional sexual relations” in Soviet journalism of the 1920s

Abstract. This article is part of our study of the system of nomination of sexuality presented in the Soviet journalism of the 1920s. In general, the notation of sexual relations is a functional-semantic field. An integral part of this field is the microfield "non-traditional sexual relations" (NSR), for the sake of simplicity we will call this the microfield an field of "non-traditional sexual relations". In this study, attention is focused on the characteristics of the structural elements of the "non-traditional sexual relations" field in the journalism of the 1920s: the core, near and far periphery. A field of "non-traditional sexual relations" nominations presented in the Soviet journalism of the 1920s has not yet become the object of linguistic analysis. This is the novelty of the chosen study. A study is characterized by an extensive language material in the amount of 207 units and the use of pre-revolutionary lexicographic sources.

The main directions of research on the topic of "homosexuality" in English and Russian studies from the standpoint of linguistics is briefly describes in a article. The range of these studies is wide, one of the promising areas is a study of "non-traditional sexual relations" in the context of taboo vocabulary. The nominative composition of this topic is under a strong language ban on pronouncing. In connection with this fact, the core of the field includes nominations, which by the beginning of the 1920s from euphemistic and figurative passed into the category of direct. The composition of the near periphery is characterized by a higher frequency (70.5 % of the language material) compared to the elements of the structure of "non-traditional sexual relations". This fact is due to the high degree of prohibition on the use of direct nominations and existing in the early XX century speech standard in journalism. A nominations of the specified structural element of the field implement a euphemistic function, indirectly denoting the word-ban. A nominations of the specified structural element of the field implement a euphemistic function, indirectly denoting the word-ban. A near periphery of the field of "non-traditional sexual relations" is represented by a wide range of language means: polysemants, hyperonyms, logical and figurative periphrases, foreign-language direct nominations, which did not lose the novelty of use at that time. The brief classification of logical peripherals used as part of this constituent field in the journalism of the 1920s, on a semantic basis is presents in a article. Figurative periphrases with the sema "disease" as part of the far periphery of the field "non-traditional sexual relations" prevail in the journalism of the 1920s, realizing the negative evaluation component. The individual occasional designations of "non-traditional sexual relations" are examples of class-marked vocabulary and are used in the context of the ideological tasks of the new country in the journalism of the 1920s.

Keywords: functional-semantic field; core; near periphery; far periphery; euphemism; taboo vocabulary; homosexuality; class-marked vocabulary; new life; sexual nominations; sexual euphemisms